Цветкова Ксения



Цена ее ошибки - жизнь.

18+

современный любовный роман

Ксения Цветкова

Цена ее ошибки-жизнь

«Автор»
2026

Цветкова К.

Цена ее ошибки-жизнь / К. Цветкова — «Автор», 2026

Её жизнь была скучной, серой и шла по накатанной. Дом, семья, работа - этот маршрут был на протяжении долгих лет. Но однажды встретив Его все изменилось. Она бросилась в омут с головой не думая о последствиях и за это поплатилась жизнями дорогих ей людей. Сможет ли Виктория вернуться к жизни потеряв в один момент всё и обретет ли счастье снова?

© Цветкова К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Ксения Цветкова
Цена ее ошибки-жизнь

Глава 1

В пятницу я выбралась из города в половине седьмого. Пробок почти не было, и все сорок минут за рулём я уговаривала себя начать вечер как человек: не считать кроссовки в прихожей, не заглядывать в раковину, не проверять дневник.

Уговаривала вяло. Голова гудела от отчёта, который я третий день не могла закрыть, на заднем сиденье лежали продукты, а на повороте к посёлку я вспомнила еще и про платёж за секции детей.

У калитки стояли три машины. Две я не знала. Из бани валил дым, дверь в предбанник была распахнута, и оттуда доносился хохот, поверх которого играло радио, всегда на одной и той же волне.

Я выключила двигатель и посидела немного в тишине, положив руки на руль. Потом вылезла, забрала пакеты и пошла по гравию, стараясь не думать, что в доме меня ждёт.

В прихожей пахло мокрой собакой, хотя собаки у нас не было. Поперёк прохода лежали чьи-то ботинки сорок пятого размера, на вешалке висела чужая куртка. Я переступила ботинки, донесла пакеты до кухни и включила свет.

Раковина была полная. Тарелки стояли стопкой, в сковородке застыла яичница, на столе лежали хлебные корки и открытая банка с огурцами, а рядом с ней, прямо на клеёнке, сохли чьи-то носки.

Я поставила пакеты, сняла пальто и не переодеваясь, надела фартук.

В комнате работал телевизор. Степан сидел на ковре в одних трусах, на полу вокруг него рассыпались чипсы, и он брал их горстями, не отрываясь от мультика. Щёки у него блестели от масла.

— Степан, — сказала я.

Он обернулся и просиял:

— Мама!

— Ты почему не одет?

— Жарко.

Я тронула его за плечо и почувствовала, что тело мальчика всё в крошках и масле. Он вцепился мне в ногу, прижался липкой щекой к юбке, и я погладила его по голове, чуть отстранив.

— Где папа?

— В бане.

— А ужин?

— Папа сказал, ты привезёшь.

Я выдохнула через нос и пошла искать остальных.

Арина сидела у себя на кровати с коленями под подбородком, перед ней лежал учебник математики, открытый на семьдесят второй странице, и телефон, по которому она смотрела, как девочки в блестящих купальниках репетируют танец.

— Уроки? — спросила я, садясь на край.

— Я почти. Только эту задачу не понимаю.

— Что не понимаешь?

— Как найти скорость, если время в минутах.

Я посмотрела на неё. Арина добрая, мягкая, у неё мои глаза и светлые волосы как у отца, и она всегда говорит правду, даже когда это невыгодно.

— Ладно, — сказала я. — Сначала поешь. И Степана покормишь, хорошо?

— А ты?

— Я сейчас.

Роман был в своей комнате. Дверь прикрыта, в наушниках что-то грохотало, он лежал на кровати с телефоном и даже не повернул головы, когда я вошла.

— Роман.

Он снял одно ухо и посмотрел на меня.

— Привет, — сказал он.

— Ты знаешь, что на кухне бардак?

— Ага.

— И что ужина нет?

— Папа сказал, ты привезёшь.

— Папа сказал, — повторила я. — А папа сказал, что у тебя двойка по алгебре?

Он сел, и лицо у него сразу стало моё, злое и замкнутое. Мой характер, моя манера смотреть исподлобья, будто весь мир ему что-то должен.

— Это было две недели назад.

— Почему я узнаю от учительницы, а не от тебя?

— Потому что ты всё равно орёшь.

Я смотрела на него и понимала, что он прав. И от этого злилась ещё сильнее.

— Завтра исправишь, — сказала я. — И до тех пор никакого телефона.

— Ладно.

— И скажи отцу, что я его жду. На кухне.

Я вернулась к раковине. Открыла кран, взяла губку, и вода была такая горячая, что из-под крана шёл пар. Тарелки я мыла быстро, стараясь не глядеть в окно, но краем глаза всё равно видела: в бане горел свет, в открытую дверь выходил белый пар, на крыльце стояли бутылки.

За спиной хлопнула дверь, и в кухню вошёл Иван. Светлый, загорелый, в одних шортах, с полотенцем через плечо. Волосы ещё мокрые после пара, на груди капли.

— О, приехала, — сказал он и улыбнулся. — Мы уже почти.

Я закрыла кран.

— Иван, там дети голодные.

— Так ты же привезла.

— Я привезла продукты. Полчаса назад.

Он посмотрел на пакеты, потом на меня, и в глазах у него было ровно то выражение, которое я последние два года ненавидела больше всего: спокойное, весёлое, слегка удивлённое. Как у человека, которому сообщают новость из другой страны.

— Ну, сейчас что-нибудь сделаем, — сказал он. — Ребята сейчас уедут, и поужинаем.

— Ребята когда уедут?

— Да скоро.

— Иван. Половина девятого. Степан не ел, Арина сидит над задачей, у Романа двойка.

— Двойка? — Он нахмурился. — Когда успел?

— Две недели назад.

— А, — сказал он и успокоился. — Ну, исправит.

Я взяла полотенце и вытерла руки. Медленно, по одному пальцу, чтобы не сказать того, что вертелось на языке.

— Скажи мне, — начала я, — ты вообще помнишь, что у нас в понедельник платёж за секции?

— Помню.

— Сколько?

Он задумался. Почесал мокрый затылок.

— Тысяч шесть?

— Шесть тысяч сто. И ещё за садик до пятнадцатого.

— Вика, ну чего ты сейчас начинаешь. У меня зарплата десятого.

— У меня тоже десятого. И кредит двенадцатого.

— Я помню про кредит.

— Ты помнишь, а оплачиваю я. Ты в прошлом месяце опять взял из общей карты, я видела.

Иван вздохнул и сел на табурет, положив локти на стол. От него пахло баней, берёзовым веником и пивом.

— Я взял три тысячи. На бензин.

— На бензин ты берёшь каждую неделю.

— Я же не гуляю. Я на работу езжу.

— А друзья твои тоже на работу ездят? Которые там сидят с шести?

Он поднял голову, и весёлое выражение наконец с него сошло. Осталось другое, знакомое: обиженное, упрямое, как у мальчика, которого несправедливо наказали.

— Они приехали в гости, — сказал он тихо. — Нормальные мужики. Не надо так.

— Как?

— Так. Как ты сейчас.

Я молчала. За окном хлопнула дверь предбанника, кто-то засмеялся и крикнул: «Вань, ты где?»

Иван обернулся на голос и снова посмотрел на меня.

— Пойдём с нами, а? — сказал он вдруг, и это было хуже всего. — Посидишь, отдохнёшь. Ребята тебя знают. Там как раз Лёха приехал, познакомитесь, а то заочно общались, а вживую ни разу.

— Я не умею отдыхать с людьми, у которых грязные ноги на моём диване.

— Ну вот, — сказал он. — Вот ты всегда так.

Он встал и пошёл к двери. В дверях остановился, взялся за косяк.

— Я скоро.

— Иван.

— Что?

— Посуду за собой вы сами мыли?

Он посмотрел на раковину, будто видел её впервые, и ушёл.

Я осталась стоять посреди кухни. Вода в кране ещё капала, холодильник гудел, из комнаты доносились голоса мультяшных героев. Я выключила свет в кухне, включила его снова и принялась разбирать пакеты: творог в холодильник, курицу в холодильник, хлеб в хлебницу, огурцы в банку.

За стеной снова засмеялись.

Я достала из сумки ноутбук, села за стол и открыла отчёт. Цифры расплывались. Я смотрела в экран и думала о том, что если бы сейчас взяла ключи и уехала обратно в город, никто бы даже не заметил.

В половине десятого я отнесла Степану тарелку с курицей и картошкой. Он съел половину, потом полез ко мне на колени и заснул почти сразу, так и не дождавшись сказки. Я отнесла его в кровать, подоткнула одеяло и постояла над ним. Во сне он чмокал губами и держал мою руку, пока я не вытащила пальцы.

Арина уже лежала. Математика была сделана, тетрадь закрыта, телефон убран под подушку.

— Мам, — сказала она, когда я поправила ей одеяло.

— Что?

— Ты грустная.

— Я устала.

— Из-за папы?

Я посмотрела на неё. Она смотрела снизу вверх, и в её глазах не было ни хитрости, ни расчёта, только готовность расстроиться вместе со мной.

— Из-за работы, — сказала я. — Спи.

Из бани они вышли около полуночи. Я слышала через окно, как прощаются, как хлопают двери машин, как Иван говорит кому-то: «Давай, Саня, на следующей неделе созвонимся». Моторы заурчали и стихли за поворотом.

Я сидела на кухне с остывшим чаем и закрытым ноутбуком. Свет я оставила только над столом, чтобы из окна было видно, что в доме не спят.

Иван вошёл и остановился в дверях. От него пахло паром, пивом и дымом, глаза были масляные, весёлые.

— Все уехали, — сообщил он.

— Слышала.

Он подошёл сзади, положил руки мне на плечи, наклонился и поцеловал в шею. Щетина царапнула кожу, и я почувствовала, как напряглись плечи сама собой, раньше, чем успела что-то решить.

— Ты чего сидишь в темноте? — спросил он. — Пойдём.

— Иван, я устала.

— Я тоже устал. — Он сказал это весело, будто мы говорили о чём-то приятном. — Я вообще-то неделю пахал.

— Я тоже пахала. И ещё готовила, мыла посуду и укладывала троих.

Он убрал руки. Отошёл к холодильнику, достал бутылку воды, открыл и выпил половину стоя.

— Ты в последнее время вообще не хочешь со мной никуда, — сказал он в холодильник. — Ни в баню, ни в город. Как чужая.

— Может, потому что я и есть чужая?

Слова вышли сами. Я не собиралась их говорить, но они уже висели в воздухе, и я не стала их забирать.

Иван закрыл холодильник и обернулся. Лицо у него было растерянное, и я вдруг поняла, что он правда не понимает. Ни про кредит, ни про двойку Романа. Ни про то, что я уже полгода сплю у стенки и утром уезжаю раньше, чем он просыпается.

— Ну, ты даёшь, — сказал он наконец. — Совсем уже.

Он ушёл наверх. Через пять минут оттуда донеслось, как скрипнула кровать, потом всё стихло.

Я посидела ещё немного, вымыла чашку, выключила свет и поднялась. В спальне было темно, Иван лежал лицом к стене, уже спал или притворялся. Я легла с краю, не касаясь его, и уставилась в потолок, по нему ползла полоса света от уличного фонаря.

Телефон лежал под подушкой. Я достала его и открыла банковское приложение. Восемь тысяч двести на общей карте, и это до десятого числа, а в понедельник надо отдать шесть тысяч сто за секции.

Я выключила экран и положила телефон обратно.

В соседней комнате заплакал Степан.

Я встала, нащупала ногами тапки и пошла к нему. Он сидел на кровати, растрёпанный, с мокрым от слёз лицом.

— Мама, там дядя, — сказал он сквозь всхлипы.

— Какой дядя?

— В шкафу.

Я включила ночник, открыла шкаф, показала ему пустые полки, потрогала под кроватью.

— Никого нет. Видишь?

Он кивнул и потянулся ко мне. Я взяла его на руки, и он сразу обмяк, уткнулся носом в шею, засопел. Я поносила его по комнате, потом села в кресло с ним на коленях и так и осталась сидеть, пока за окном не начало светлеть.

В спальню я не пошла. Степа сопел, тёплый, тяжёлый, и во сне снова держал мою руку, а я смотрела через стекло на двор: пустые бутылки на крыльце бани, забытое полотенце на перилах, гравий, размытый утренним туманом.

Утром Иван встал раньше меня и собирался шумно, как всегда, хлопая дверцами шкафа. Уже из прихожей он сказал, что Лёхе нужна моя помощь: развод, алименты, а он в бумагах не разбирается. Сказал, что тот позвонит, и закрыл за собой дверь.

Лёха позвонил в обед, когда я вышла из дома и стояла на крыльце, где ловит связь.

— Виктория? Это Лёха. Алексей. Иван сказал, вы можете посмотреть мои документы.

— Могу.

Голос у него был низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Он говорил про жену, про сына, про квартиру, а я слушала, как он выговаривает моё имя целиком, без «Вики», и пропускала слова. Потом он замолчал.

— Так по телефону не объяснишь. Может, встретимся? Я подъеду, куда скажете.

— Давайте, — сказала я раньше, чем успела подумать.

До вечера я занималась домашними делами. С Ариной испекли печенье, Степан катал по полу машинку, Рома сидел с телефоном и не огрызался.

С Алексеем мы встретились в кофейне недалеко от нашего дома, в шесть. Я пришла первой, села у окна и полчаса перечитывала распечатки, пока официантка не спросила, буду ли я что-нибудь заказывать.

Он вошёл и сразу нашёл меня взглядом. Выше Ивана, в тёмной куртке, с папкой под мышкой. Поздоровался, сел напротив и протянул руку через стол, будто мы знакомились заново.

— Спасибо, что согласились.

Ладонь у него была сухая и тёплая, и он не отпускал мою руку дольше, чем нужно. Я заметила светлую полоску от часов на его запястье и шрам на костяшке.

— Показывайте, — сказала я, чтобы что-то сказать.

Он раскрыл папку, и мы наклонились над столом. От него пахло морозом и терпким одеколоном, а я всё ловила себя на том, что смотрю на его руки, а не на листы.

— Значит, так, — сказала я, разложив бумаги по датам. — Квартира куплена в браке?

— В браке. Но платил я.

— Это неважно. Важно, что она общая.

Я задавала вопросы, он отвечал, и постепенно вырисовывалось: встретил другую, полгода пытался сохранить семью, потом ушёл. Жена не даёт видеться с сыном и хочет отсудить квартиру.

— Новая девушка беременна? — уточнила я, не поднимая глаз от выписки.

— Да. У неё своя квартира, хорошая должность. Она согласна помочь выкупить долю.

Он посмотрел на меня. Голубые глаза, светлее, чем я ожидала, с тёмным ободком у зрачка, они притягивали и я забыла, что хотела сказать. Его темные волосы и борода совсем не вязались с этими бездонными глазами.

— Я вам помогу, — сказала я. — Присылайте всё, что есть.

Он записал мой номер и не сразу выпустил мою руку.

Домой я вернулась в девятом часу. В окнах горел свет, у крыльца стояли ботинки, только теперь одни.

Иван сидел перед телевизором, пульт на животе, рядом на столе банка с огурцами и тарелка с крошками. В раковине высилась новая посуда.

— Где была?

— С Лёхой встречалась. Он просил помочь с разводом.

Иван сел ровнее.

— И что, поможешь?

— Помогу.

— Бесплатно?

— Бесплатно.

Он усмехнулся, поставил банку обратно на стол.

— Всем ты бесплатно помогаешь. А у нас за секции в понедельник платить, ты помнишь? Мне на бензин не хватает, а она по кофейням сидит.

Я смотрела на его затылок и понимала, что за весь вечер ни разу не вспомнила про кредит.

Дальше мы не поссорились. Он ушёл спать, а я ещё час отмывала плиту, чтобы не думать.

В воскресенье Иван сам отвёз детей к бабушке и вернулся с пакетами: молча выложил на стол мясо на шашлык, нарезку, овощи и хлеб. День мы провели вдвоём. Он был внимательным, открыл вино, говорил, что всё наладится, и я кивала, а сама вздрагивала от каждого звука телефона.

В понедельник отчёт закрылся к обеду. Потом позвонил представитель одной из сторон по судебному делу и согласился на мировую, хотя месяц отказывался разговаривать. К вечеру начальник вызвал меня к себе и сказал, что по итогам квартала мне выписали премию. Я вышла из кабинета руководителя, постояла у окна в коридоре и поймала себя на том, что не знаю, кому об этом рассказать. Как всегда девочка с синдромом отличника сделала все идеально, а похвалы ждать не от кого.

Меня так учили с детства. Мать растила меня одна, и на каждый случай у неё было правило: пятёрки в школе, пятёрки в институте, никаких плохих компаний, никаких сомнительных знакомств, никаких поздних возвращений. От человека должно быть приятно, повторяла она, и только Бог знает, что она имела в виду, произнося эту фразу, но я приносила грамоты, мыла полы и ходила помогать соседке с близнецами, потому что отказывать не принято, потому что нужно быть удобной.

Если попросили, я бегу на помощь. Если не побегу, мать будет молчать. Её молчание было громче любого крика.

Сразу после школы я уехала и с тех пор ни разу не ночевала в её квартире. Звоню по воскресеньям, рассказываю про детей и погоду, она отвечает вежливо, и обе ждём, когда можно попрощаться. Иногда я думаю, что выучилась быть удобной настолько старательно, что ничего другого во мне уже не помещается.

Конечно я уже давно не та девочка, и умею говорить нет, но привычка делать безупречно, доводить до идеала осталась и на моей работе это умеют ценить.

Больше предаваться воспоминаниям и унынию не хотелось, дело сделано, деньги получены, я развернулась на каблуках и пошла к себе в кабинет. У меня оставалось время для подготовки документов для Алексея.

Лёха приехал вечером за бумагами и неуверенно стоял в дверях кабинета с папкой под мышкой.

— Ты не против, если на «ты»? — спросил он.

— Давно пора.

Он листал отзыв на исковое заявление о разделе имущества, опершись на стол, и наклонялся ко мне через плечо ближе, чем требовали бумаги. От куртки опять пахло морозом. Я не отодвинулась.

Заявление я дописала к полуночи, потом поймала себя на том, что перечитываю его имя и улыбаюсь. Домой вернулась за полночь, когда уже все спали. Пройдя к себе в комнату, я легла на кровать и долго не могла уснуть, вспоминая снова и снова его глаза и улыбку.

Утром Иван ждал меня на кухне с двумя чашками, чего давно не случалось.

— Ты вчера поздно, — сказал он.

— Бумаги Алексея. Я говорила.

— Он тебе платит?

— Нет.

Иван помолчал, глядя в стол.

— Слушай. Раз тебе премию дали, одолжи пару тысяч? До зарплаты. Мне на бензин не хватает.

— Нет, — сказала я. Слово вышло коротким и твёрдым, и мы оба его услышали.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз ты тоже занимал. И не вернул.

Он усмехнулся, встал и задел плечом дверной косяк.

— Ну да. Я же тут никто.

Я налила себе кофе и стояла с чашкой у окна, пока его машина не выехала за калитку.

К обеду я собрала папку с документами: отзыв, копии чеков, выписка по ипотеке, справка из опеки. Всё по порядку, с закладками.

Позвонила Алексею.

— Заседание в половине третьего. Не опаздывай.

— Я уже на месте.

— За полтора часа?

— Я с утра тут.

В трубке гудел ветер. Я слышала, как он дышит.

— Не кури перед заседанием, — сказала я. — От тебя будет пахнуть.

Он хмыкнул.

— Виктория, а если она скажет, что я плохой отец?

— Скажет. Ты слушай и записывай.

Начальник отпустил меня без вопросов. Перед встречей я совсем не волновалась. Это было хуже всего.

Заседание кончилось в четверть пятого. Алексей вышел из зала с графиком встреч с сыном и мировым соглашением: квартира осталась Ольге, ему выплачивали долю деньгами, алименты он платил без споров. На улице он долго смотрел на бумаги, потом перевёл глаза на меня.

— Победа, — сказал он. — Поехали праздновать.

В ресторане мы просидели четыре часа. Говорили про хоккей, про старые детективы, про группу, которую оба слушали в институте. Он подсаживался всё ближе, накрыл мою руку своей и не убрал. Я тоже не убрала.

— Я позвоню завтра, — сказал он у машины. — Не по делу.

Домой я вернулась после полуночи, счастливая, и долго стояла в прихожей, не включая свет, с телефоном в руке.

Глава 2

В среду я проспала. Телефон показывал половину восьмого, за окном было ещё темно, и Степан уже сидел на полу в спальне, возил машинку по ковру и гудел.

Иван стоял у плиты и варил кофе. Такого не случалось месяца три.

— Ты во сколько пришла? — спросил он, не оборачиваясь.

— После двенадцати.

— Я не слышал.

— Ты спал.

Он налил мне в чашку и поставил на стол. От плиты шёл пар, на сковородке шкварчало.

— Отмечали, значит.

— Отмечали.

Иван посмотрел на меня чуть дольше, чем нужно, и отвернулся к плите. Я намазала Степану бутерброд, собрала Арине сменку, нашла Роману вторую перчатку. Обычное утро, только внутри у меня всё ещё играла музыка из ресторана, и я ловила себя на том, что улыбаюсь в шкаф.

В офисе я разобрала почту, ответила на два письма и переписала абзац в чужом договоре, который мне не давал покоя с прошлой недели. В полдень позвонил Алексей.

— Это я, — сказал он. — Не по делу.

— А по чему?

— Ты во сколько освобождаешься?

Я посмотрела на часы, потом на дверь кабинета, потом в окно, где шёл снег.

— В шесть.

— В семь в «Родине» крутят старый детектив. Один раз в год, у них там клуб. Пойдём?

— Я не могу вот так, — сказала я.

— Можешь, — сказал он и повесил трубку.

Вечером я позвонила Ивану и сказала, что задержусь, у нас проверка документов. Он ответил «хорошо» слишком быстро, и я не стала думать, что это значит.

Алексей ждал у кинотеатра, в пальто и при галстуке. Галстук был завязан криво, узел съехал набок, и воротник топорщился.

Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и прятал руки в карманы, будто не знал, куда их деть. Пальто сидело на нём идеально, по плечу, борода уложена аккуратно, волосок к волоску, ботинки начищены до блеска. С иголочки, как сказала бы моя мать. Алексей из тех мужчин, кто любит одеваться и знает, сколько это стоит, я это заметила ещё в кофейне. Фонарь у входа светил жёлтым, и в этом свете я разглядела, что брился он всё-таки второпях: за ухом осталась розовая полоска.

Я шла к нему через двор и поймала себя на том, что ускоряю шаг. Снег ложился ему на плечи, он не стряхивал.

— Ты чего при параде? — спросила я.

Он посмотрел на меня сверху вниз и ничего не ответил, и от этого взгляда у меня пересохло во рту.

— Галстук завязывал сам? — усмехнулась я, чтобы скрыть неловкость.

— Сосед помог.

Я взялась за узел, чтобы поправить, и вдруг поняла, что стою вплотную, у самого его подбородка. От него пахло морозом и тем же одеколоном. Он не двигался.

— Ну вот, — сказала я и убрала руки. — Теперь как человек.

В зале было человек двадцать, красные кресла, запах пыли и попкорна. Свет погас, и на экране поехали титры. Он положил руку на подлокотник, потом на мою руку, и я не убрала. Так

мы и сидели два часа, и я не помню ни одного поворота сюжета, хотя потом, когда он спросил, я уверенно сказала, что всё предсказуемо.

После сеанса мы сидели в машине у кинотеатра, двигатель работал, снег таял на лобовом стекле.

— Ты почему этим занимаешься? — спросил он.

— Чем?

— Мной. Со мной. Бесплатно.

— Мне нравится, когда бумаги складываются в правильном порядке.

Он хмыкнул и включил дворники.

— А ты счастлива?

Я смотрела, как снег сползает по стеклу, и ничего не сказала. Из решётки шёл тёплый воздух, у меня горели уши.

— Не отвечай, — сказал он вдруг. — Я и так вижу.

Домой я вернулась в половине одиннадцатого. В прихожей горел свет, Иван сидел в комнате в темноте, перед выключенным телевизором.

— Проверка? — спросил он.

— Проверка.

Он кивнул и больше ничего не сказал. Я поднялась наверх, сняла сапоги и села на кровать, прислушиваясь к тому, как он ходит по кухне. Он не поверил. И я поняла, что мне это почти безразлично.

В спальне Иван уже лежал, отвернувшись к стене. Я легла с краю, поставила телефон на зарядку и погасила ночник. Через минуту экран загорелся.

«Доехала?» — 23:40.

Я накрылась одеялом с головой.

«Доехала».

«Спасибо за вечер. Я давно так не смеялся».

Я смотрела на эти две строчки дольше, чем нужно.

— Спи, — сказала я в темноту, когда Иван заворочался.

— Ты светишь.

Я ответила Алексею «спи» и стёрла переписку, хотя Иван никогда не проверял мой телефон.

Утром я первым делом взяла трубку с зарядки. Сообщений не было. Я пролистала почту, потом новости, потом опять почту. Посмотрела бездумно в окно: всё, что происходило в моей жизни, было неправильным. И, возможно, ещё полгода назад я бы этого не допустила, но сейчас мне безумно нравилось чужое внимание, и не важно, что у нас обоих семьи; в этот момент я совсем не думала о том, что кому-то будет плохо.

— Мам, — Арина стояла в дверях с расчёской. — Заплети.

Я отвлеклась от своих мыслей, заплела косу дочери, налила Степану какао, отправила Романа искать шапку. Иван вышел из спальни в выглаженной рубашке, чего в четверг не бывало, и молча выпил кофе стоя.

— Ты чего? — спросила я.

— Ничего.

Он поставил чашку в раковину и ушёл, не хлопнув дверью.

В офисе я держала телефон рядом с клавиатурой, будто он мог что-то услышать. В полдень он завибрировал.

«Обедаешь?»

Я смотрела на экран и не сразу придумала, что ответить. Написала «да», стёрла, потом написала: «Что за вопрос».

Тут же пришло: «Я внизу».

Я выглянула в окно. У нашего крыльца стояла знакомая тёмная машина, из выхлопной трубы шёл пар.

— Я на обед, — сказала я секретарше и взяла пальто.

Алексей вышел, открыл мне дверь, и в машине пахло кофе и кожей. На заднем сиденье лежал бумажный пакет.

— Что это?

— Обед. Ты, наверное, ничего не ела.

— Ты меня не знаешь.

— Угадаю.

Он включил печку, и я поняла, что не помню, когда в последний раз смеялась два дня подряд.

— У меня полчаса, — сказала я.

— У меня тоже.

Он свернул с трассы на лесную дорогу, проехал между сосен и заглушил мотор. Снег лежал на ветках, в машине было тихо, и я слышала, как у меня стучит в висках.

— Мы оба знаем, зачем мы здесь, — сказал он тихо.

— Мне через двадцать минут надо быть на работе.

— Значит, у нас двадцать минут.

Он повернулся ко мне. Двигатель ещё щёлкал, остывая, где-то в глубине леса хрустнула ветка.

Он взял меня за подбородок и поцеловал сразу глубоко, без разгона, как человек, который не собирается спрашивать разрешения. Я упёрлась ладонью ему в грудь, для порядка, и сама потянулась следом, когда он отстранился на сантиметр. В носу у меня был запах его одеколона, во рту металл от холодного воздуха.

Он открыл заднюю дверь, и мы перебрались назад, на холодную кожу. Пальто я скинула на пол, свитер сняла через голову, он стянул с меня майку и на минуту просто смотрел, а потом накрыл ладонями грудь, и от мороза соски стянулись так, что стало больно. Он целовал их по очереди, я держалась за его плечи и слышала, как он дышит.

— Презерватив, — сказала я. — У тебя есть?

Он дотянулся до бардачка, порвал упаковку зубами, и пока возился, я смотрела на его руки: шрам на костяшке, тёмные волоски у запястья, часы с металлической полоской.

Он вошёл, и я выгнулась, потому что было тесно и неудобно, колено упиралось в спинку, а ремень безопасности больно давил под лопатку. Потом это перестало иметь значение. Он двигался глубоко и ровно, целовал меня в шею, стекло под моей ладонью запотело, а я сжимала его рубашку и кусала губу, чтобы не закричать на весь лес. В голове мелькнуло: Степан, Арина, Роман, школа, ужин, и всё это осталось далеко, за соснами.

Потом он прижался лбом к моему плечу.

— И что дальше? — спросила я.

— Не знаю. У меня девушка беременна.

— А у меня муж и трое детей.

— Я помню.

Я смотрела в потолок машины и молчала. Он сел за руль, вывел машину на трассу и только там заговорил.

— Я не собираюсь ничего рушить, — сказал он. — Ты понимаешь? У неё седьмой месяц.

— А у меня Роман в девятом классе.

— Я знаю.

— Тогда что мы делаем?

Он долго не отвечал, дворники скрипели, встречные машины кидали в стекло грязную воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.